

Крестьянский сын Антон Большаков (1887–1941): научный некролог расстрелянного историка, социолога и краеведа

Д. М. Рогозин

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. 119034, Москва, Пречистенская наб., 11, корп. 1.
E-mail: rogozin@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлена научная биография выдающегося российского историка, социолога и краеведа, Антона Михайловича Большакова (1887–1941). Изложены основные вехи его научного и творческого пути: от исторических исследований к ведению хронологии текущих событий и составлению этнографических и краеведческих описаний советской деревни. Наиболее плодотворный, продуктивный период научной деятельности у Антона Михайловича Большакова пришелся на 1920-е годы. Новая экономическая политика открывала возможности не только предпринимателям и хозяйственникам, но и ученым, исследователям, активистам. Каждый находил приложение собственным силам и устремлениям. Несмотря на бедность, цензуру и партийность массовых изданий, 1920-е годы стали золотым временем для развития советской гуманитарной и социальной мысли. В статье раскрываются три важнейших направления в научном творчестве Большакова:

(1) расширение исторического знания через организацию систематического развития смежных дисциплин; (2) построение хозяйственной истории как коллекции документов, статистических таблиц и наблюдений современников; (3) социология деревни, или регулярное наблюдение за жизнью крестьянских хозяйств. Несмотря на попытки адаптироваться к советскому режиму, подстроиться под его требования контроля и надзора, Антону Михайловичу Большакову не удалось избежать репрессий. Он не мог не чувствовать, не осознавать сгущающиеся тучи, трагичность и двусмысленность своего положения. 6 марта 1939 года Большаков был арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Приговорен к расстрелу 9 июля 1941 года. Приговор приведен в исполнение 27 июля 1941 года. Антон Михайлович Большаков был реабилитирован 1 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР, спустя 15 лет после расстрела, 69 лет после рождения.

Ключевые слова: история российской социологии 1920-х, историческая социология, крестьяноведение, социология деревни, хозяйственная история

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-27-45

«Человек и не царь, и не раб природы, а только лишь одно из проявлений общей жизни вселенной. Значит, живи как можешь. И все, что можешь — хорошо, морально, красиво и т. д. Но только то, что можешь».

Антон Большаков, «Лунная соната» (1913)

«Антон Михайлович Большаков. 1887 года рождения, русский, уроженец города Ленинграда. Место проживания: город Москва, улица Малая Бронная, дом 19/6, квартира 13. Образование высшее. Беспартийный, с 1932 по 1935 г. состоял кандидатом в члены ВКП(б). Место работы: Контора «Союззолототранс» Наркомцвета СССР, должность юрисконсульт. Арестован 6 марта 1939 года. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Приговорен к расстрелу 9 июля 1941 года. Приговор приведен в исполнение 27 июля 1941 года. Место захоронения: Бутово-Коммунарка». Это выписка из Книги памяти. В Новодевичьем некрополе (2-й участок, 8-й ряд, место 15) установлена плита генерал-лейтенанту инженерно-технической службы Валентину Викентьевичу Орловскому, зятю Антона Михайловича. На небольшой табличке рядом вписаны четыре члена семьи Большаковых: он сам, жена, дочь и сын.

Казенная запись в списках расстрелянных, да могильная плита без праха под ней могли остаться тем единственным воспоминанием о неординарном и талантливом исследователе сельской жизни, докторе исторических наук и консультанте Главзолота, если бы не его монографии и статьи, регулярно выходящие в свет. Именно в этих публикациях раскрывается научная биография исследователя, окончившаяся в момент ареста, в 1939 году. Возможно, поэтому в биобиблиографическом справочнике российских социологов датой смерти Антона Михайловича значится 1939 год (Кукушкина, 2014: 54), хотя в застенках ему пришлось провести еще два долгих и мучительных года.

Мы ничего не знаем о личной жизни Антона Михайловича, о его детстве, юности, студенческих годах, привычках и увлечениях в зрелые годы. Ничтожно мало знаем о близких — лишь отрывочные упоминания. Второе издание его книги «Советская деревня» (Большаков, 1925а) посвящено отцу, члену волостного комитета, Михаилу Ермолаевичу Большакову. В других работах он упоминает о своих земляках (Большаков, 1924b: 1), о собственном крестьянском хозяйстве — и это то немногое, что обнаруживается на полях научных работ. Лишь слабый отблеск прошлого присутствует в двух дореволюционных книгах (Большаков, 2013а, 2013b), возможно даже написанные полным однофамильцем, но хочется верить, что Антоном Михайловичем Большаковым. В них нет и намека на историческое знание, научность или исследовательскую педантичность. В них отражена философская,

лирическая черта автора, которая лишь угадывается в последующих произведениях, проступает на полях его знаменитых исторических и краеведческих трудов. Поэтому и возникают сомнения об авторстве.

В пьесе и кратком очерке представлен пессимистический реализм в отношении человека, который не царь и не раб, но деятель, обладающий возможностью что-то делать, что он может делать. Угадать свое предназначение, свою возможность — и есть высшее счастье, удача, на которую полагается как отчаянный романтик, так и педантичный прагматик. «Делай только то, что можешь», — говорит герой пьесы, художник Василий Васильевич Шангин, и это будет моральным и красивым. Удивительно, но именно в эту формулу укладывается судьба и Антона Михайловича, делающего только то, что он мог сделать, в той стране, обстановке, с теми людьми, которые были рядом.

Наиболее плодотворный, продуктивный период научной деятельности у Антона Михайловича Большакова пришелся на 1920-е годы, по-своему насыщенные, драматичные, лихие, инфляционные. Если в 1920 году на обложке книжки, выпущенной Тверским издательством к цене в 1 руб. 50 копеек шла приписка: «указанная цена никем не может быть повышена», то уже через три года, в 1923-м, это же издательство предупреждало, что «Цены указаны в золоте. Расчет на дензнаки 1923 года производится по курсу дня получения заказа». Новая экономическая политика открывала возможности не только предпринимателям и хозяйственникам, но и ученым, исследователям, активистам. Каждый находил приложение собственным силам и устремлениям. Несмотря на бедность, цензуру и партийность массовых изданий, 1920-е годы стали золотым временем для развития советской гуманитарной и социальной мысли. Остановимся на трех важнейших направлениях в научном творчестве Большакова: (1) расширении исторического знания через организацию систематического развития смежных дисциплин; (2) построении хозяйственной истории как коллекции документов, статистических таблиц и наблюдений современников; (3) социологии деревни, или регулярном наблюдении за жизнью крестьянских хозяйств.

Расширение исторического знания

В 1923 году в петроградском издательстве государственного треста «Петропечать» вышло в свет третье издание книжки о вспомогательных исторических дисциплинах (Большаков, 2023b). Первое издание, напечатанное в тверском издательстве «Октябрь», разошлось мгновенно (Большаков, 2022b), второе, допечатанное без каких-либо изменений — еще было на полках магазинов, когда на него обратил внимание автор и забил тревогу. Тверские изда-

тели умудрились дважды напечатать монографию, общим тиражом 6 тыс. экземпляров, не уведомив об этом автора, не показав набранную рукопись. В предисловии к третьему изданию Большаков напишет: «Первое издание «Вспомогательных исторических дисциплин» вышло в начале осени 1922 г. в Твери¹. Так как мне не удалось посмотреть ни одной корректуры указанного издания, то оно, к сожалению, появилось с рядом досадных опечаток и иных несообразностей. В феврале 1923 г. книга, без моего ведома, была вновь переиздана — следовательно, снова воспроизведены все те промахи, которые были в первом издании» (Большаков, 2023b: 3). Исправления третьего тома внесли большую структурированность и академизм, однако была утеряна непосредственность и повествовательность первых двух изданий, в большей мере отражающих устную речь автора. То, что Большаков считал ошибками и просчетами, на вековой дистанции видится особенностями речевой культуры, сомнениями и авторским стилем. Третье издание больше похоже на справочник, второе — на конспект лекций, по которым и была смонтирована книжка. Поэтому первоначальное авторское негодование вылилось в подарок читателям, которые могут сравнивать почти идентичные издания, находить в них не только стилистические различия, но и реконструировать эволюцию авторской мысли.

С третьего издания расширяется перечень вспомогательных дисциплин: добавляется хронология, в четвертом — антропология, языковедение, библиотековедение и историография. Если в первых двух изданиях дисциплины представлены в алфавитном порядке, то в последующих автор выстраивает некоторое осмысленное изложение материала. В третьем издании дисциплинарные очерки начинаются с археологии, в четвертом — с антропологии (рис. 1).

1. Антон Михайлович Большаков прежде всего историк. Как историка его приглашают читать лекции, выступать на публике, участвовать в дискуссиях с коллегами. Но историк он нетипичный. Вместо того чтобы специализироваться на каком-либо периоде отечественной истории (а именно в этом он был первоклассным специалистом), Антон Михайлович движется в неизведанные пограничные области, где ему приходится не только учить, но и учиться самому (Большаков, 2022b: 1). Историческую работу он не мыслит в рамках устоявшихся к тому времени дисциплинарных границ. Большаков предлагает развивать аппарат системно-организованных вспомогательных дисциплин, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения, но вместе они позволяют формировать интегральную картину прошлого.

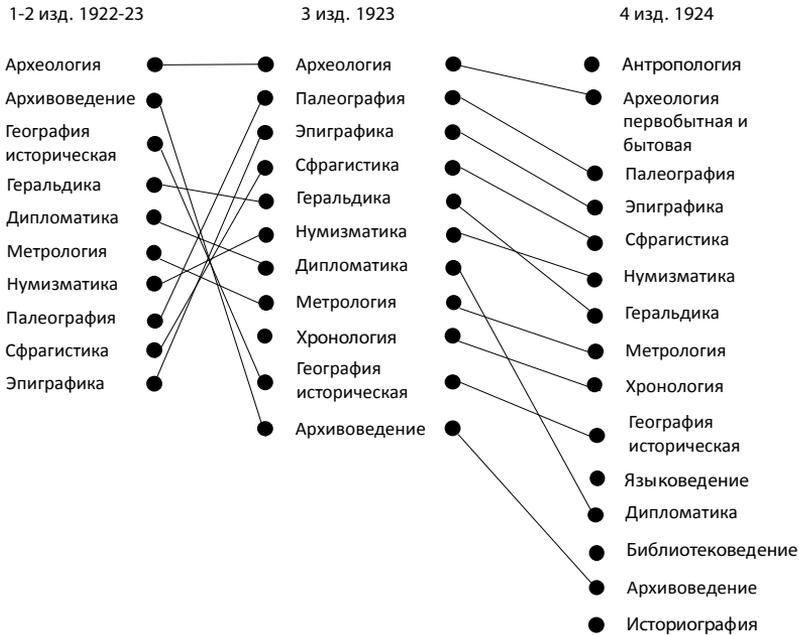

Рисунок 1. Вспомогательные исторические дисциплины по Большакову, выделенные в четырех изданиях одноименной монографии (Большаков, 2022b, 2023a, 2023b, 2024a)

Антропологию Большаков делит на четыре типа: соматическую (изучающую организм человека), расовую, этническую (народоведение) и социологическую (Большаков, 2024a: 24–25). Социологическая антропология по Большакову — это дисциплина, в которой изучаются перемены в природе самого человека, происходящие под давлением условий общественного строя, и изменения самого общества под влиянием природы человека (Большаков, 2024a: 25). Антон Михайлович нигде не называет себя социологом, не предлагает развивать социологию как отдельную дисциплину (не те были времена), но постепенно в его работах формируется социологическая тематика. Он останавливается на трудах Огюста Конта, Адольфа Кетле и Анри Сен-Симона (Большаков, 1923c: 58–59); определяет задачу исторических наук как поиск определенных понятий, способных объяснить все многообразие прошлого, чтобы в итоге начать понимать настоящее, предвидеть и действовать (Большаков, 1922a: 42). И если в исторических монографиях социологические исследования рассматриваются лишь как дополняющие, оттеняющие общий массив исторического знания, то в изучении села социологический подход становится доминирующим (см. ниже). По-прежнему нельзя говорить о социологии публично, но можно реализовывать ее подходы, скрывая под заголовками о хозяйстве, истории и развитии советской деревни.

ТЕОРИЯ

Значительную роль в становлении социологического мировоззрения Большакова сыграл его учитель, а затем друг и соавтор ряда работ (Большаков, Рожков, 1925a, 1925b, 1925c, 1926a, 1926b, 1926c), талантливый историк и бескомпромиссный марксист Николай Александрович Рожков. Его масштабный двухтомный труд «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (Рожков, 1905) заложил основы изучения повседневного, бытового как оси исторического процесса. Не территориальные завоевания, битвы, царствующие особы и знать, а простой люд, формы землевладения и хозяйствования, расселение и питание, экономический быт и духовный строй составляют основу исторической перспективы, позволяют понять прошлое и предсказать план будущего. Связь с Рожковым, отказ от вымарывания его имени в совместных трудах сыграла не последнюю роль и в аресте Антона Михайловича. Он высоко ценил своего учителя, ставил его в один ряд с Ключевским (учеником которого был Рожков, см. подробнее: Кочешков, 2008: 7–9), Соловьевым, Карамзиным, Болтиным, Щербатовым, Шлецером и другими видными историками (см. краткое изложение русской историографии: Большаков, 1923c: 107–149). Кроме того, именно Рожков поддержал устремления Антона Михайловича в изучении деревенской жизни. Сам посвятивший многие труды истории деревни (Рожков, 1913), Рожков считал, что только через понимание деревенского уклада можно изучать историю России, особенности текущих отношений и будущих преобразований. Не удивительно, ведь в то время сельское население России составляло более 80%. Развитие социологической истории, как самостоятельного направления отечественной социологической мысли, вполне можно трактовать через три поколения исследователей: Ключевского — Рожкова — Большакова. Именно они заложили фундамент социологического взгляда на историю, в 1920-х ставшего общим местом для многих обществоведов (см., например: Андреев, 1925: 20). Если бы не репрессии и советский террор, мы могли бы быть наследниками развитой школы исторической социологии.

Могли бы, но не стали. Даже сейчас немногочисленные ссылки на работы Большакова скорее относятся к жанру дежурных упоминаний и воздаяний по заслугам² (см., например: Цветкова, 2016), нежели раскрывают сложный, проблематичный и подчас опасный путь исследователя. Из современных описаний можно вынести

2. Владимир Картавец ошибочно закрепляет такой стиль за некрологами, хотя он куда чаще проявлен в статьях для отчетности, когда количество знаков важнее смысла их написания: «В этом месте можно было бы сказать какие-то пафосные слова о том, что, мол, диалог в любом случае возможен, потому что остались книги Гребера и его друзья, но я предлагаю обойтись без этого: риторика некрологов душновата, а Дэвид душнилкой не был. Он крутой, и мы его любим» (Картавец, 2020).

лишь убеждение о значительном вкладе Большакова в историческую и социологическую дисциплины, но понять его теоретические и ценностные представления, проследить драматический путь его мысли навряд ли удастся. Вместе с тем у Большакова (безусловно, под влиянием его учителя Рожкова) сформировалось авторское видение хозяйственной истории, как коллекции исторических документов и свидетельств, позволяющих ответить на пять ключевых вопросов: (1) каковы особенности отраслевого деления хозяйства? (2) насколько технологично хозяйство? (3) как устроено землевладение? (4) как организовано производство? (5) какова социальная природа хозяйства? (рис. 2).

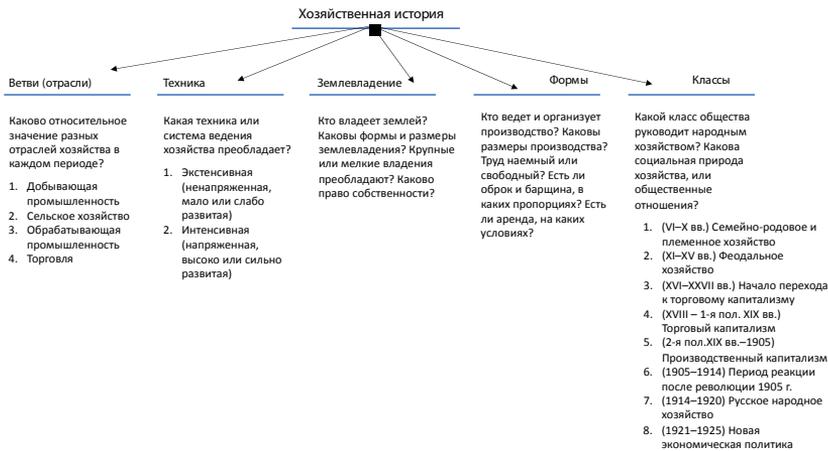

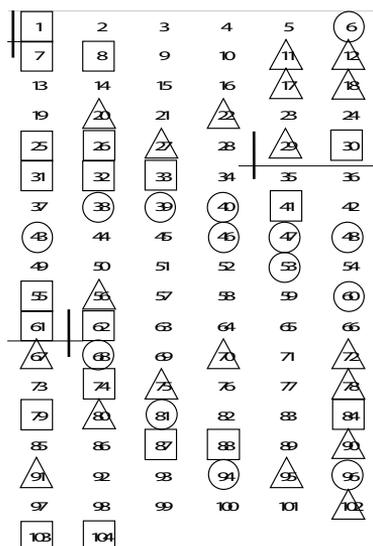
Рисунок 2. Пять основных вопросов хозяйственной истории по Большакову и Рожкову (Большаков, Рожков, 1926а: 10–11; Большаков, Рожков, 1926б: 5; Большаков, Рожков, 1926с: 3)

В основе сборников с историческими документами лежит отказ от личных комментариев, поиска логики и конструирования объяснений, напротив, читателю как бы предлагается самостоятельно интерпретировать представленную в документах реальность. Только тексты, цифры, голоса, звучащие о прошлом или интерпретирующие прошлое, по-своему, без купюр. Большаков и Рожков успели выпустить лишь один трехтомник «Хрестоматия по истории хозяйства России» (Большаков, Рожков, 1925а, 1925б, 1925с), уже через год переизданный под чуть отредактированным заглавием: «История хозяйства России в материалах и документах» (Большаков, Рожков, 1926а, 1926б, 1926с). С социологической точки зрения наибольший интерес представляет третий том, содержащий коллекцию материалов о 1905–1925 годах, буквально хронологию текущих для авторов событий.

Большаков и Рожков не сортируют материалы по значимости, не создают искусственную канву повествования. Она формируется

сама, через взаимное влияние четырех типов представленных документов. Во-первых, полевых материалов, фрагментов исследований, аналитических публикаций, вырезок из газет. Во-вторых, выступлений и докладов политиков, общественных деятелей, среди которых доминирует Ленин, а завершает книгу выступление Сталина, но встречается и Троцкий, Дзержинский, Бухарин и прочие товарищи по партии. В-третьих, многочисленные статистические данные, таблицы, показатели, индексы, которые копируются из статистических отчетов, научных монографий, сводок различных ведомств. Это самая многочисленная коллекция материалов. В-четвертых, фрагменты или полные тексты постановлений, законов, декретов и прочих нормативных актов (рис. 3).

Рисунок 3. Структура третьего выпуска монографии «История хозяйства России в материалах и документах: 1905–1925 гг.» (Большаков, Рожков, 1926с)

Большаков и Рожков нумеруют исторические материалы, присваивая порядковый номер документу независимо от его объема и качества. Всего в третьем выпуске представлено 104 документа, из них 19 (или 18%) относятся к полевым материалам; 20 (или 19%) — к выступлениям и статьям политических деятелей; 51 (49%) — к статистическим сведениям, и 14 (13%) представляют нормативные акты. Распределение неравномерно по главам: Гражданскую войну и ее последствия (II глава) авторы чаще репрезентируют выступлениями политиков и текстами декретов, постановлений (табл. 1). Видимо, таким же образом распределяется и структура доступных публичных документов. Войну легче и безопаснее представить в государственной риторике, нежели списком стати-

стических сведений и аналитических интерпретаций. Полагаю, это не авторский выбор, а особенности публичного дискурса.

Таблица 1. Структура публикаций в третьем выпуске монографии «История хозяйства России в материалах и документах: 1905–1925 гг.», % по столбцу

Типы исторических материалов	I глава	II глава	III глава	Всего в монографии
Полевые материалы, исследования, аналитика, публикации в прессе	25%	6%	23%	18%
Материалы политиков, общественных деятелей, должностных лиц	18%	21%	19%	19%
Статистические таблицы, показатели	54%	45%	49%	49%
Законы, декреты, постановления, нормативные акты	4%	27%	9%	13%
Всего, абсолютные значения	28	33	43	104

Источник: Большаков, Рожков, 1926с

Казалось бы, обычный список отобранных событий. Всякий внимательный современник может такой составить. Но не все так просто. Собранные источники требуют внимания и сопоставления — тогда вместо разрозненных цифр начнет формироваться некоторая целостная картина происходящего. Например, в статье под номером 73 приводится типология сельскохозяйственных коллективов, с разбивкой по годам (табл. 2). Несложно оценить динамику, озадачиться снижением не только доли, но и абсолютного количества коммун.

Таблица 2. Сельскохозяйственные коллективы по их типам. Выдержка из статьи № 73 «Статистика коллективного земледелия»

Год	Коммуны	Артели	Товарищества по обществ. обработке земли
1918	912	–	–
1919	1961	3603	622
1920	1892	7722	886
1921	2236	11 427	1416
1922	2164	8755	2012
1923	1818	7511	3762
1924	1673	7814	4562

Источник: Большаков, Рожков, 1926с: 248; А. М. Большаков «Современная деревня в цифрах» (Большаков, 1925b)

А следом, под номером 74 приводится статья Льва Троцкого, опубликованная в «Правде» № 278 от 5 декабря 1925 года, где он повествует о своем посещении лучшей в Александровском округе сельскохозяйственной коммуны «Авангард» (Большаков, Рожков, 1926с: 248–257). Даже в лучшей коммуне Троцкий встречает упаднический дух, причина которого — низкая производительность труда, снижающаяся из года в год. И далее приводятся выдержки из писем, наблюдения, выводы, написанные от первого лица, обнажающие сложные социально-политические отношения в селе. За статьей Троцкого следует другая статья из «Правды» от 13 декабря 1925 года, написанная А. Биценко, о коллективных хозяйствах и производительности труда: № 75 «Колхозы и производительность труда» (Большаков, Рожков, 1926с: 257–260). Схожая стилистика, но иные акценты, другой набор фактов.

Собранные материалы, оставаясь независимыми фрагментами социальной реальности, образуют ансамбль аналитического представления происходящего, лишённого какой-либо генеральной линии, наставления или интерпретации. Читателю предлагается самостоятельно собрать свой аналитический узор, проделать работу над осмыслением происходящего. И сделать это можно на официальных, открытых для любого читателя материалах. Не нужно проводить разведывательную деятельность, искать тайное знание, сетовать на недостаток информации. Большаков и Рожков демонстрируют, что информации уже достаточно. Даже отцензурированная, представленная в одном идеологическом поле она может стать весомым подспорьем в понимании происходящего. Дело за малым: систематическим наблюдением, сбором и сопоставлением разноплановых, разнородных, разнонаправленных документов, по отдельности отражающих индивидуальные позиции, вместе составляющих объективную (как написал бы сам Большаков) картину социально-экономической действительности.

Социология села

Цензура, партийный контроль и аппаратная дисциплина отнюдь не способствуют социальным исследованиям, формируют токсичную среду подозрительности, отчужденности и некритичности. Но даже в относительно мирные времена более опасна для научного сотрудника самоцензура, самоконтроль и самодисциплина. Не избежал влияния этой триады и Антон Михайлович. Печально, что изменение во взглядах пришлось на социологический период его творчества, когда он стал заниматься включенными наблюдениями, писать о жизни деревни не только с точки зрения экономического развития, но и социальных отношений, культурных традиций.

Во второй половине 1920-х годов выходит в свет серия работ, которые отражают социологический поворот в творчестве Большако-

ва: «Советская деревня (1917–1925): экономика и быт» (Большаков, 1925ао); «Введение в краеведение» (Большаков, 1929), «Краеведческое изучение деревни» (Большаков, 1930), «Коммуна “Кудрово”» (Большаков, 1930). В этих работах изменяется подача материала: стилистика и структура книг начинает напоминать отчетные документы, в которых не только подчеркивается полезность проделанной работы для власти, но формируется и особый формат служебных записок, за которым видна «неизменная и единственно верная линия партии».

Свою книгу о советской деревне Большаков открывает набором тезисов-рекомендаций, как бы предлагая занятому государственными делами читателю ознакомиться сразу с важнейшими выводами и не тратить время на дальнейшее чтение. Причем редакция второго издания становится все более отчетливой, партийной, отражает не только дух времени, но и запрос основного заказчика — партийной номенклатуры. Так, в первом издании Большаков ограничивается общим постулатом: «Главная научная обязанность современного историка — освещать факты нашей новейшей истории» — первый тезис (Большаков, 1924b: 5). Во втором издании акценты расставлены иначе: «Одна из наших главных культурных обязанностей — освещать исторические факты текущего революционного периода жизни страны» (Большаков, 1925а: 7). Или лаконичный 31-й тезис («Общее дело элементарного просвещения масс населения поставлено из рук вон скверно» (Большаков, 1924b: 8)) во втором издании дополняется упоминанием об успехах, достигнутых за год: «Общее дело элементарного просвещения масс населения поставлено из рук вон скверно. За последний год в этой области проделана громадная работа: школа и изба-читальня уже сделались местными общественно-культурными центрами, в массовое крестьянство начала проникаться газета и пр.» (Большаков, 1925а: 11). Вопрос не в том, чтобы проверять или уличать Антона Михайловича в неточностях, — изменяется стилистика изложения, тон ученого постепенно замещается тональностью общественного деятеля, приводимые цифры и наблюдения уже требуют дополнительных пояснений, отражающих поступательный рост, успехи советской власти.

Кроме того, в середине книги подводятся итоги, отсекая более лиричную, написанную в формате очерков часть, остающуюся наиболее ценной с точки зрения изучения быта и культуры села. Каждую главу, в нетипичной ранее для себя манере, Большаков начинает с фиксации нарушений и недочетов и завершает обращением к власти, дает советы, формирует рекомендации, которые во втором издании уже неотличимы от передовиц центральных газет. В изложении проблем с архивными документами, которые из-за дефицита бумаги в селах используют как «оборотки», Большаков все прямо призывает к ужесточению репрессий: «В качестве экстренной меры борьбы с крупным злом [использование оборотных

сторон архивных документов для текущей отчетности] я предлагаю усиление репрессий за ненадлежащее обращение с теми сокровищами, которые, пройдя через горнило науки, могли бы быть использованы как теперь — нами, так и после — нашими потомками» (Большаков, 1925а: 13). Большой раздел с деревенскими песнями и частушками резюмируется как средство выявления контрреволюционных элементов: «Контрреволюционные элементы деревни в первые годы революционного периода, для безнаказанного выявления своих враждебных по адресу советской власти чувств и настроений, часто использовали (иногда — совершенно бессознательно) частушку, привлекаемые ее анонимностью» (Большаков, 1925а: 11). Краеведческие записи Большакова все больше начинают походить на научно обоснованные доносы, иногда с перечислением фамилий сельчан, их проступков, недолжного поведения в той или иной сфере хозяйствования, иногда лишь с указанием деревни или волости.

Вместе с тем Антон Михайлович все глубже погружается в социологическую проблематику, и во втором издании предлагает создать Институт для изучения современной деревни, публикует разработанный им вопросник и схему монографического наблюдения за крестьянским хозяйством (рис. 4).

«Очерки деревни СССР» (1928)	«Советская деревня» 1-е (1924) и 2-е изд. (1925)		
	АНАЛИЗ	ОЧЕРКИ	ПРЕДЛОЖЕНИЯ
Земледелие и землепользование			
Землеустройство и агропомощь			
Переселение	Тезисы	Торговля, кооперация и промыслы	Таблицы
Машиноснабжение и тракторизация	Объект, задача, источники и метод исследования	Первые этапы революции	Приложения
Электрификация	Страничка из прошлого волости	Управление волостью	+ Об организации специального Института для изучения современной деревни
Тяжесть налогового обложения	Среднее хозяйство, его доходность и бюджет семьи	Самогонка в деревне	
Доходность крестьянского хозяйства СССР		Работа социализации	+ Вопросник для едущих в деревню
Кооперация	Скотоводство	Архивы	+ Схема монографического наблюдения за крестьянским хозяйством
Сельскохозяйственные коллективы	Земледелие	Хлебный заем	
Крестьянские бюджеты	Сравнительная тяжесть обложения земли	Суд и преступность	+ Указатель книг о деревне
Расстояние крестьянства		Дело народного просвещения	
Питание	+ Перспективы крестьянского хозяйства		
Голод 1921/22 и неурожай 1924/25	Питание	+ Положение женщины	
Постройка деревни	Итоги	Наши коммунисты, комсомольцы и пионеры	
Работа Госстраха в деревне		Песни	
Ветеринарная помощь		Религия, церковность, духовенство	
Потребление в деревне спиртных напитков		Мысли и настроения крестьян	
Здравоохранение			
Народное просвещение в деревне			
Расходы на удовлетворение религиозных потребностей			

Рисунок 4. Содержание монографии «Очерки деревни СССР» [Большаков, 1928], 2-го издания монографии «Советская деревня» (Большаков, 1925а), с выделением «+» новых глав по отношению к 1-му изданию (Большаков, 1924b)

Оставаясь сельским жителем (Большаков, 1925а: 17), Большаков фактически формирует программу длительного включенного исследования, в котором единицей наблюдения выступает не отдель-

ное крестьянское хозяйство, а район или волость. Такой выбор он обосновывает как необходимостью наблюдения за коллективным хозяйством, взаимодействием разных групп крестьян, так и возможностью совмещать, сравнивать различные документы: краеведческие наблюдения и статистические сводки. Однако последние требуют тщательного контроля и изначального критического к ним отношения. Приведенный Большаковым диалог с представителем исполнительного комитета демонстрирует несостоятельность и проблематичность статистических данных, собираемых в сельской местности:

«В центре немало прекрасно исполненных диаграмм, долженствующих рисовать современную экономику деревни, а между тем в разных волостных исполнительных комитетах Тверской губ. (нужно полагать, что она в этом отношении исключением не является) я слышал приблизительно следующее:

— Уж очень много центр требует от нас разных сведений. Анкета за анкетой. То одни цифры, то другие.

— А вы и давайте их. Если государство станет строить свою политику на цифрах, это будет самая верная политика.

— Да, помилуйте, волисполкомы перегружены текущей работой. Иные сведения дать нетрудно — даем. Другие же цифры еще собирать надо, да и собирать-то умеючи, а в нашем распоряжении вообще нет свободных людей.

— Ну, так и отпишитесь.

— Невозможно! И срок проставлен, и строгой ответственностью угрожают. Не исполнишь предписания — еще под суд за саботаж попадешь. Кроме того, сам инструктор говорит: если цифр под рукою нет — с потолка давайте.

— Как это: с потолка?

— Очень просто: посмотреть на потолок, подумать немного, да и проставить цифры, какие бог на душу положит.

— Нехорошо как-то.

— Сами знаем, что неладно. Пускай пришлют к нам в волость специалиста-статистика; он станет собирать здесь материал — тогда и будет хорошо» (Большаков, 1925а: 13).

Поэтому так важны включенные наблюдения, описание происходящих изменений не только с точки зрения цифры, но и смыслов, ожиданий и представлений, определяющих их сбор и обработку. Наряду с устоявшимися и привычными формами ведения сельского хозяйства, регулярно попадающими в статистическую отчетность, Большаков регистрирует бытовое общение и устные договоренности. Например, он останавливается на «супраге», неизученной, но весьма распространенной форме кооперации, или объединения крестьянских хозяйств. С дотошностью историка и внимательностью этнографа он фиксирует особенности такого объединения, протоколирует устные отчеты крестьянских хозяйств:

«Спряглись соседи — бедняк и середняк на пахоту и посев. Со стороны бедняка вложено 2 мужчин и 1 лошадь, со стороны середняка 1 взрослый, 3 лошади, плуг и борона. Бедняку вспахали и засеяли 3 десятины, середняку — 7 десятин. Семена у каждого свои. Эта „Супруга“ существует второй год.

2 середняка (соседи и сваты) „спряглись“ на посев, сенокос и уборку. Со стороны одного „вложено“ 2 взрослых — мужчина и женщина, 1 подросток, 3 лошади, сенокосилка с граблями и плуг, со стороны второго — 3 взрослых, 1 подросток, 2 лошади, лобогрейка, плуг и бричка. Первому вспахали, посеяли и убрали 8 1/2 десятин хлеба, второму — 9 десятин; первому накосили и перевезли домой сена и бурьянов 6 бричек; второму — 8 бричек. Семена у каждого свои» (Большаков, 1928: 72).

От Большакова не скрывается ни одна мелочь, ни одно значимое направление развития сельского хозяйства. Экономика, хозяйство, быт, культура, просвещение, религиозные взгляды — все подлежит систематическому учету и критическому с точки зрения советской власти осмыслению. Научный текст постепенно трансформируется в аналитический доклад, средство для формирования и обоснования тех или иных административных процедур и решений. Такова эволюция социологической оптики Большакова: от наблюдения и фиксации исторических событий к их переосмыслению и формированию некоторой социально значимой программы по переустройству советского села.

Заключение

Несмотря на попытки адаптироваться к советскому режиму, подстроиться под его требования контроля и надзора, Антону Михайловичу Большакову не удалось избежать репрессий. Он не мог не чувствовать, не осознавать сгущающиеся тучи, трагичность и двусмысленность своего положения. И как пытливый исследователь, дотошный историк, еще в 1922 году опубликовал провидческую запись о текущей жизни, о тех испытаниях, которые ему предстоит перенести, о том выборе, который придется сделать:

«И вся наша жизнь, наша нынешняя жизнь, будет казаться нашим потомкам морем ошибок, заблуждений, ненужной жестокости, неэкономной тратой драгоценной человеческой энергии. Но среди потоков крови, слез и страданий, которые переполняют и будут переполнять мир, пока мир не станет понятным для людей, — потомки наши услышат и нашу тоску по иной, более осмысленной жизни. Они поймут, что мы, завоевая жизнь, не всегда могли быть человеческими, потому что — таковы условия жизни нашего исторического периода — каждому из нас чаще приходилось быть не человеческим, а человеком, ибо гуманность

не высшая добродетель. Все поняв, люди будущего отнесутся к нам с таким же уважением, с каким мы сами относимся ко всем тем, кто жил до нас и в меру своего разума и сил принимал участие в великой битве за истину, за красоту, за справедливость» (Большаков, 1922: 43).

Спустя сто лет слова Антона Михайловича невероятно современны. Жизнь по-прежнему полна потоков крови, слез и страдания. Мы по-прежнему пребываем в тоске по более осмысленной жизни, отказываясь от человечности в пользу выживания, от гуманности как высшей ценности. И с такой же надеждойзираем в будущее, надеясь на понимание и уважение потомков к нашим попыткам выжить в этой страшной битве за истину, красоту и справедливость. У Антона Михайловича выжить не получилось. Получится ли у нас — покажет время.

Антон Михайлович Большаков был реабилитирован 1 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР, спустя 15 лет после расстрела, 69 лет после рождения. Вечная память историку, социологу, краеведу и крестьянскому сыну.

Библиография

- Андреев Н. (1925). К вопросу о понимании закономерности в истории: социологический этюд. М.: Изд-во «Книга».
- Большаков А. (1913а). Лунная соната: пьеса в 4-х действиях. СПб.: Типография «Грамотность».
- Большаков А. (1913б). Этюд в защиту пессимизма. СПб.: Типография «Грамотность».
- Большаков А. М. (1922а). Введение в изучение истории. Тверь: Тверское изд-во.
- Большаков А. М. (1922б). Вспомогательные исторические дисциплины: археология, архивоведение, география историческая, геральдика, дипломатика, метрология, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика. Тверь: Тверское изд-во.
- Большаков А. М. (1923а). Вспомогательные исторические дисциплины: археология, архивоведение, география историческая, геральдика, дипломатика, метрология, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика. 2-е изд. Тверь: Октябрь.
- Большаков А. М. (1923б). Вспомогательные исторические дисциплины: антропология, палеография, сфрагистика, геральдика, нумизматика, дипломатика, метрология, хронология, историческая география, архивоведение. 3-е изд. перераб. и доп. Петроград: Госуд. трест «Петропечат».
- Большаков А. М. (1923с). Лекции по русской истории: введение в изучение истории. М.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М. (1924а). Вспомогательные исторические дисциплины: антропология, археология, первобытная и бытовая, палеография, эпиграфика, сфрагистика, нумизматика, геральдика, генеалогия, метрология, хронология, историческая география, языковедение, дипломатика, библиотековедение, архивоведение, историография. 4-е изд. заново перераб. и знач. доп., с рис. и табл. Л.: Изд-во П. П. Сойкина.
- Большаков А. М. (1924б). Советская деревня (1917–1924): экономика и быт. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».
- Большаков А. М. (1925а). Советская деревня (1917–1925): экономика и быт. 2-е изд. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».

- Большаков А. М. (1925b). Современная деревня в цифрах: Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».
- Большаков А. М. (1925c). Деревня после Октября. Л.: Прибой.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1925a). Хрестоматия по истории хозяйства России / С прилож. 5-ти исторических карт, составленных К. В. Кудряшовым. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1925b). Хрестоматия по истории хозяйства России / С прилож. 6-ти исторических карт, составленных К. В. Кудряшовым. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1925c). Хрестоматия по истории хозяйства России. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1926a). История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 1. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1926b). История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 2 / 2-е изд. исправ. и доп.; С приложением 5-ти исторических карт, составленных К. В. Кудряшовым. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1926c). История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 3: 1905–1925 гг. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М. (1927). Деревня 1917–1927 / Предисл. М. И. Калинина, С. Ф. Ольденбурга. М.: Работник просвещения.
- Большаков А. М. (1928). Очерки деревни СССР, 1917–1927. М.: Работник просвещения.
- Большаков А. М. (1929). Введение в краеведение / Предисл. С. Ф. Ольденбурга. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».
- Большаков А. М. (1930). Краеведческое изучение деревни. М.: Работник просвещения.
- Большаков А. М. (1930). Коммуна «Кудрово» / Всесоюз. добровольное об-во пролет. туризма и экскурсий «ОПТЭ»; Экскурсии по повышению квалификации и обмена опытом по социалист. переустройству деревни. Л.: Тип. Облфо им. Котлякова.
- Картавцев В. В. (2020). Лучший селф-хелп для наших времен: о «Бредовой работе» Дэвида Гребера // Горький. 8 октября. [Электронный ресурс] <<https://gorky.media/reviews/luchshij-self-help-dlya-nashih-vremen-o-bredovoj-rabote-devida-grebera/>> (дата обращения: 11.10.2023).
- Кочешков Г. Н. (2008). Теоретико-методологические взгляды Н. А. Рожкова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ.
- Кукушкина Е. И. (2014). Большаков Антон Михайлович // Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана. С. 54–55.
- Рожков Н. А. (1905). Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1. 2-е изд. М.: Изд-во И. К. Шапов.
- Рожков Н. А. (1913). Город и деревня в русской истории: Краткий очерк экономической истории России. 3-е изд., доп. СПб.: Тип. и перепл. «Виктория».
- Цветкова Г. А. (2016). О деревенской самобытности: забытое, но очень важное исследование 1920-х годов // Социологические исследования. № 12. С. 114–122.

Peasant son Anton Bolshakov (1887–1941): A scientific obituary of the executed historian, sociologist and local historian

Dmitry M. Rogozin, PhD (Sociology), Head of the Center for Field Research, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prechistenskaya Nab., 11, bldg. 1, Moscow, 119034, Russia. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Abstract. The article presents a scientific biography of the outstanding Russian historian, sociologist and local historian Anton Mikhailovich Bolshakov (1887–1941). The author outlines the milestones of his scientific career: from historical research to the ethnographic and local-historical descriptions of the Soviet village. The most fruitful,

productive period of his scientific activity was in the 1920s, when the NEP provided new opportunities not only for entrepreneurs but also for researchers and activists — to realize their intentions and strengths. Despite poverty, censorship and partisanship of the mass media and science, the 1920s were a golden time for the Soviet humanitarian thought and social research. The article identifies three most important directions in Bolshakov's scientific work: (1) expansion of historical knowledge through the systematic development of related disciplines; (2) promotion of economic history as a collection of documents, statistical analysis and observations; (3) development of rural sociology as a regular observation of the peasantry's life. Despite attempts to adapt to the Soviet regime's demands for control and supervision, Bolshakov failed to avoid repression, and he realized the tragedy and ambiguity of his situation. On March 6, 1939, he was arrested, convicted by the Military Collegium of the Supreme Court of the Soviet Union on charges of participation in the counter-revolutionary terrorist organization, sentenced to death on July 9, 1941, and executed on July 27, 1941. Bolshakov was rehabilitated on September 1, 1956, by the decision of the Military Collegium of the Supreme Court of the Soviet Union 15 years later.

Key words: history of the Russian sociology of the 1920s, historical sociology, peasant studies, rural sociology, economic history

References

- Andreev N. (1925) *K voprosu o ponimanii zakonomernosti v istorii: sotsiologichesky etyud* [On Understanding of Regularity in History: A Sociological Essay], Moscow: Izd-vo "Kniga".
- Bolshakov A. (1913a) *Lunnaya sonata: piesa v 4-h dejstviyah* [Moonlight Sonata: A Play in 4 Acts], Saint Petersburg: Tipografiya "Gramotnost".
- Bolshakov A. (1913b) *Etyud v zashchitu pessimizma* [An Essay in Defense of Pessimism], Saint Petersburg: Tipografiya "Gramotnost".
- Bolshakov A. M. (1922a) *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History], Tver: Tverskoe izd-vo.
- Bolshakov A. M. (1922b) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], Tver: Tverskoe izd-vo.
- Bolshakov A. M. (1923a) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], 2nd ed., Tver: Oktyabr.
- Bolshakov A. M. (1923b) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], 3rd ed., Petrograd: Gostrest "Petropechat".
- Bolshakov A. M. (1923c) *Lektsii po russkoj istorii: vvedenie v izuchenie istorii* [Lectures on Russian History: An Introduction to the Study of History], Moscow: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M. (1924a) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival

- Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], 4th ed., Leningrad: Izd-vo P.P. Soikina.
- Bolshakov A. M. (1924b) *Sovetskaya derevnya (1917–1924): ekonomika i byt* [Soviet Village (1917–1924): Economy and Everyday Life], Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1925a) *Sovetskaya derevnya (1917–1924): ekonomika i byt* [Soviet Village (1917–1924): Economy and Everyday Life], 2nd ed., Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1925b) *Sovremennaya derevnya v tsifrah: Ekonomika i raznoobrazny byt derevni za revolyutsionny period* [Contemporary Village in Numbers: Economy and the Diverse Rural Everyday Life during the Revolutionary Period], Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1925c) *Derevnya posle Oktyabrya* [Village after the October], Leningrad: Priboj.
- Bolshakov A. M. (1927) *Derevnya 1917–1927* [Village in 1917–1927], Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Bolshakov A. M. (1928) *Ocherki derevni SSSR, 1917–1927* [Essays on the Village in the USSR, 1917–1927], Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Bolshakov A. M. (1929) *Vvedenie v kraevedenie* [Introduction to Local History], Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1930) *Kommuna “Kudrovo”/Vsesoyuznoe Dobrovolnoe obshchestvo proletarskogo turizma i ekskursij “OPTE”* [Commune “Kudrovo”/All-Union Voluntary Society of Proletarian Tourism and Excursions “OPTE”], Leningrad: Tip. Obfio im. Kotlyakova.
- Bolshakov A. M. (1930) *Kraevedcheskoe izuchenie derevni* [Local-Historical Study of the Village], Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1925a) *Khrestomatiya po istorii khozyajstva Rossii s prilozheniy 5-ti istoricheskikh kart, sostavlennykh K. V. Kudryashovym* [Reader on the History of the Russian Economy with 5 Historical Maps Compiled by K. V. Kudryashov], Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1925b) *Khrestomatiya po istorii khozyajstva Rossii s prilozheniy 6-ti istoricheskikh kart, sostavlennykh K. V. Kudryashovym* [Reader on the History of the Russian Economy with 6 Historical Maps Compiled by K. V. Kudryashov], Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1925c) *Khrestomatiya po istorii khozyajstva Rossii* [Reader on the History of the Russian Economy], Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1926a) *Istoriya khozyajstva Rossii v materialah i dokumentah* [History of the Russian Economy in Materials and Documents], part 1, Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1926b) *Istoriya khozyajstva Rossii v materialah i dokumentah* [History of the Russian Economy in Materials and Documents], part 2, 2nd ed., Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1926c) *Istoriya khozyajstva Rossii v materialah i dokumentah* [History of the Russian Economy in Materials and Documents], 3rd ed., Leningrad: Gos. izd-vo.
- Kartavtsev V. V. (2020) Luchshaya samopomoshch dlya nashih vremen: o “Bredovoj rabote” Davida Graebera [The best self-help for our times: about *Bullshit Jobs* by David Graeber]. October 8, 2020. URL: <https://gorky.media/reviews/luchshij-self-help-dlya-nashih-vremen-o-bredovoj-rabote-devida-grebera>.
- Kocheshkov G. N. (2008) *Teoretiko-metodologicheskie vzglyady N. A. Rozhkovy* [Theoretical-Methodological Ideas of N. A. Rozhkov], Yaroslavl: Izd-vo YAGPU.
- Kukushkina E. I. (2014) Bolshakov Anton Mikhailovich. *Sotsiologii Rossii. Istoriya sotsiologii v litsah: bibliografichesky spravochnik*, otv. red. Zh. T. Toshchenko, Moscow: Yuniti-Dana, pp. 54–55.
- Rozhkov N. A. (1905) *Obzor russkoj istorii s sotsiologicheskoy tochki zreniya* [Review of the Russian History in the Sociological Perspective], Moscow: Izd-vo I. K. Shamov.

- Rozhkov N. A. (1913) *Gorod i derevnya v russkoj istorii: Kratky ocherk ekonomicheskoj istorii Rossii* [City and Village in Russian History: A Brief Outline of the Economic History of Russia], Saint Petersburg: Tip. "Viktoriya".
- Tsvetkova G. A. (2016) O derevenskoj samobytnosti: zabytoe, no ochen vazhnoe issledovanie 1920-h godov [On wooden originality: A forgotten but very important study of the 1920s], *Sociologicheskie Issledovaniya*, no 12, pp. 114–122.

Д. М. Рогозин
Крестьянский сын
Антон Большаков
(1887–1941)...